

Пусть данные говорят сами за себя

Abhijit Banerjee and Esther Duflo

Poor Economics

A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty

Public Affairs, New York, 2011, 336 pp., \$26.99 (cloth).

Наиболее значительное улучшение понимания в экономической теории развития в последние годы было достигнуто благодаря более широкому использованию рандомизированных контролируемых исследований (РКИ) для изучения поведения индивидуумов в бедных странах. В этой хорошо написанной и актуальной книге интеллектуальные предприниматели и создатели РКИ Абхиджит Банерджи и Эстер Дуфло обобщили большое число результатов и сделали логические выводы для мер экономической политики, призванных вывести малоимущих из бедности.

Как следует из их названия, РКИ позволяют изучать реакцию различных групп лиц или фирм (при контроле других характеристик, воздействующих на поведение), когда они сталкиваются с новым стечением обстоятельств. Например, исследователи в Кении предлагали москитные сетки по разным ценам — от частично субсидируемых цен до полностью безвозмездной основы, чтобы убедиться, насколько использование защитных сеток чувствительно к цене (очень чувствительно к цене, но нечувствительно к доходам потребителей).

Приводятся сведения о поведении в области общественного здравоохранения, выхода учителей на работу, сбережений и заимствования населения (особенно микрокредита), создания и расширения малых предприятий, охвата детей школьным обучением и о многом другом. Изучая эти и другие вопросы, Банерджи и Дуфло часто начинают с неофициальных сведений о поведении малоимущего (или обстоятельств и проблем, с которыми он сталкивается). Затем они делают выводы о поведении и со-

общают о результатах РКИ, которые проливают свет на то, как малоимущие реагируют на различные стимулы, и делают выводы о наиболее эффективных мерах для борьбы с бедностью.

Аналитическая основа книги ставит вопрос о том, является ли выход из бедности относительно линейным процессом: по мере того как люди становятся менее бедными, они в большей мере способны продолжать улучшать свое положение, или нечто подобное «ловушки бедности» требует решительных мер для преодоления порога, после которого они могут самостоятельно двигаться вперед? Авторы считают, что результаты РКИ в целом поддерживают решительные меры.

Основываясь на данных, полученных из результатов РКИ, и логических выводах о поведении людей, Банерджи и Дуфло предлагают ряд рекомендаций по экономической политике. Например, в отношении сферы здравоохранения они приходят к выводу о том, что «недорogie» медицинские технологии представляют собой легко достижимую цель. Это включает «вакцинацию детей, лекарства для дегельминтизации, прививки от столбняка для будущих матерей, снабжение витамином В для борьбы со слепотой, таблетки с железом и обогащенная железом мука для борьбы с анемией».

Общий вывод книги относительно здравоохранения заслуживает того, чтобы его процитировали: «Первоочередной целью политики в области здравоохранения в бедных странах должно быть максимальное облегчение получения профилактического медицинского обслуживания для малоимущих... Рядом с источниками воды следует размещать раздаточные пункты с бесплатной хлоркой; следует вознаграждать родителей за вакцинацию детей; детям в школе следует бесплатно выдавать препараты для дегельминтизации и питательные добавки; необходимо осуществлять государственные инвестиции в инфраструктуру водоснабжения и санитарии».

Даже если единственной заботой авторов было здравоохранение, их список пожеланий такой длинный, что возникает вопрос о том, сколько это будет стоить. Но у Банерджи и Дуфло есть еще много рецептов по другим аспектам социальной политики. Они указывают на высокий уровень рисков, которым подвергаются малоимущие, на отсутствие вариантов страхования для них и приходят к выводу о том, что «следовательно, существует очевидная потребность для принятия государственными органами мер. Государству следует также частично оплачивать страховые премии для малоимущих». Авторы также поддерживают денежные трансферты,

поощряющие продолжение школьного обучения, регулирование банков, требующее от них кредитования «приоритетных секторов», всеобщий охват школьным образованием, увеличение инвестиций в инфраструктуру (особенно в поселках, где живут малоимущие), обеспечение «хороших рабочих мест» для преодоления ловушки бедности, и многое другое.

Поскольку хорошие рабочие места чаще бывают в городах, то авторы не только призывают к созданию таких мест, но и к субсидируемой миграции в города (хотя они не говорят, каким образом, помимо требований к банкам, предоставлять кредит средним компаниям). С учетом того, что в большинстве регионов больше мигрантов, чем хороших рабочих мест, макроэкономическая основа такого рецепта является сомнительной.

Нет никаких сомнений в том, что многие из программ, за которые ратуют Банерджи и Дуфло, были бы полезными при условии их эффективной реализации. Но остаются два основных вопроса, а также несколько второстепенных. Во-первых, могут ли все эти меры быть осуществлены в рамках стабильных бюджетных/макроэкономических параметров? Если нет, то возникают обычные вопросы об относительной отдаче, которые в книге не были решены надлежащим образом. Во-вторых, ввиду неудач правительства, неправительственных организаций и других структур в этих областях, можно ли надеяться, что предлагаемые авторами меры политики могут быть реализованы без порождения тех же проблем (например, большинство выгод получают богатые, учителей невозможно удержать в классах)?

Нерешенный вопрос состоит в том, как правительства могут между тем финансировать эти меры (не говоря уже о сборе налогов с будущих возросших доходов для возмещения некоторых затрат).

Банерджи и Дуфло убедительно показывают множество расточительных затрат в существующих программах. Но это не доказывает, что компетентные врачи могут быстро появиться или что закрытие (необслуживаемых) медицинских клиник высвободит достаточно ресурсов для финансирования рекомендаций авторов. А в случае некоторых рекомендаций проблема стоит еще более остро: одной из очевидных потребностей бедных стран является более успешная финансовая система. Но авторы, возможно, двигаются в противоположном направлении, поскольку больший объем кредита предлагается направлять средним предприятиям (для создания хороших рабочих мест) и на микрофинансирование. Но даже в случае рекомендаций,

которые представляются очевидно обоснованными, в условиях ограниченных ресурсов придется делать трудный выбор относительно объемов предоставления каждого из этих общественных благ.

Второй основной вопрос заключается в том, как осуществить эти меры политики. Авторы хорошо осведомлены о неудачах правительств в реализации текущих программ, призванных помочь малоимущим. Но несмотря на их полезные рекомендации (например, прозрачность, большее число женщин в органах, принимающих решения) отно-

сительно направления расходов на более эффективные программы, они признают, что процесс будет постепенным.

Подводя итоги, следует отметить, что эту книгу надо прочитать всем, кто интересуется положением малоимущих в развивающихся странах и мерами политики для его улучшения. Данные из РКИ и критический анализ текущей политики являются бесценными. Воплощение некоторых из выводов авторов в политике путем перераспределения имеющихся сейчас ресурсов может, безусловно, принести большие выгоды,

но целесообразность многих их выводов для экономической политики требует проверки (в особенности, рационализация кредита и субсидии на страхование и миграцию), равно как компромиссный выбор между разными мерами, относительные издержки и макроэкономические последствия.

Энн О. Кригер,
профессор международной экономики
в школе продвинутых
международных исследований,
Университет Джонса Хопкинса

На разных языках

Victor Ginsburgh and Shlomo Weber

How Many Languages Do We Need?

The Economics of Linguistic Diversity

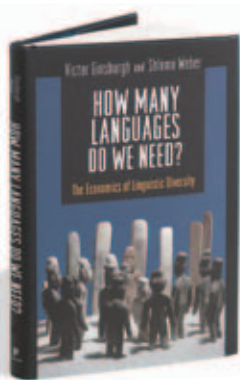
Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 2010, 232 pp., \$35 (cloth).

В этом скрупулезно проведенном исследова-

нии бельгийский экономист Виктор Гинсбург, родным языком которого является суахили, и специалист по теории игр Шломо Вебер, гражданин Канады, у которого родным является русский язык, оценивают затраты и выгоды, связанные с огромным числом языков, которые сейчас используются на Земле.

Чаще всего принимается допущение о том, что сокращение числа языков приводит к повышению эффективности. Хотя точное число живых языков никому неизвестно, цифра поразительно велика — по оптимальным оценкам, она составляет 6000–7000. Но для половины населения мира первым языком является один из всего лишь одиннадцати языков.

В большинстве стран с развитой экономикой преобладает один язык; в странах с большим лингвистическим разнообразием чаще всего намного больше бюрократии и расточительных затрат. Некоммерческая организация SIL International, которая ведет базу данных о языках мира, сообщает, что в Камеруне сейчас используется 278 языков; показатели для Чада, Нигерии и Папуа-Новой Гвинеи составляют, соответственно, 131, 514 и 830. Легко понять, что такое множество языков может препятствовать развитию экономики — например, в результате сдерживания географической и социальной мобильности и препятствий для доступа многих граждан к важнейшим юридическим услугам.

Мыслители-утописты давно представляли себе, что когда-нибудь технология и плановые меры политики положат конец языковым противоречиям и непониманию в цивилизованном мире. Сегодня поддерживается идея признания английского

в качестве общемирового языка общения. Действительно, многие считают, что он уже таким является. Однако доминирование одного языка ведет к эрозии других, что потенциально является катастрофой для мировой лингвистической и культурной экосистемы. Гинсбург и Вебер цитируют драматурга Ариеля Дорфмана, который родился в Чили, но сейчас является гражданином США: «Доминирующее влияние английского, как и многие явления, связанные с глобализацией, приводит к тому, что слишком многие оказываются в проигрыше, слишком многие лишаются голоса».

Гинсбург и Вебер часто излагают мысли весьма техническим языком, изучая такие вопросы, как кластическая дистанция, этнолингвистическая раздробленность и индексы дихотомического беспорядка. Но этот анализ представлен очень наглядно, и имеется много хорошо подобранных выдержек комментариев, в том числе Марио Варгаса Льосы и Амартии Сена. Дискуссия охватывает не только затраты на перевод и известные методы Джозефа Гринберга дать количественную оценку разнообразию, но и особенности финских частных инвесторов и песенного конкурса «Евровидение».

На наибольшие размышления наводит последняя часть книги, исследование на примере языковой политики в рамках Европейского союза. Именно здесь Гинсбург и Вебер с наибольшей ясностью

изучают практические аспекты и наиболее близко подходят к ответу на свой первоначальный вопрос: сколько языков нам нужно?

Ежегодно Европейский союз тратит значительно более миллиарда евро на устный и письменный перевод. Сотрудники в этих двух сферах составляют одну десятую рабочей силы Европейской комиссии. В условиях, когда состав Европейского союза продолжает расширяться, эти затраты будут расти. Компромиссное решение о языке, когда оно принимается, часто благоприятствует английскому языку. Однако интересно отметить, что в этой среде лица, не говорящие на других языках, кроме родного английского, могут оказаться неэффективными в общении, поскольку они не замечают различных лингвистических потребностей (например, в меньшем количестве разговорных выражений и архаических идиом) тех людей, для которых английский язык не является родным.

Гинсбург и Вебер справедливо отмечают трудности поддержания сбалансированности между мерами, которые обеспечивают эффективность, и мерами, которые соблюдают культурные традиции. Они утверждают, что Европейскому союзу целесообразно принять шесть рабочих языков — английский, французский, немецкий, итальянский, испанский и польский.

Реформа лингвистических процедур Европейского союза требует сотрудничества, что связано с основополагающим вопросом книги: что на самом деле означает «we» («мы») в названии книги. Это местоимение подразумевает единение. Это — призыв к общности. Но оно вызывает различные представления о солидарности, узах и приоритетах. В любых спорах о языке (или политике), как очень наглядно показано в этой книге, очень трудно прийти к понятию «мы».

Генри Хитчингс,
автор нескольких книг, в том числе
«The Language Wars»

Слишком легко адаптирующийся, чтобы потерпеть неудачу

Тим Харфорд заслуженно имеет массу поклонников благодаря своим колонкам в газете *“Financial Times”*, радиопередаче *“More or Less”* на «Би-би-си» и своим предыдущим книгам. Книга *“Adapt”* («Адаптируйся»), бесспорно, завоеует ему еще больше читателей. Это захватывающее написанное пособие о применении моделей, заимствованных из биологии, в мире бизнеса и экономики, с множеством увлекательных примеров, изложенных с характерными для автора мастерством и изяществом.

Идеи книги относительно адаптации основаны на эволюции путем вариации и отбора и роли теории сетей. Существуют официальные модели эволюционной экономической теории, и идея о том, что бизнес представляет собой борьбу за выживание, интуитивно представляется обоснованной.

В случае экономики и бизнеса эволюция является метафорой, но меня не удивит, если социальное поведение человека в этой области окажется тесно связанным с основополагающими правилами жизни. Это направление исследований для экономистов является захватывающим.

Вклад Харфорда заключается в том, чтобы объяснить на широком круге примеров, как работают вариация, адаптация и отбор. Он подчеркивает важность создания возможностей для небольших неудач, с тем чтобы предотвратить катастрофические провалы, которые могут возникнуть в результате централизованного принятия решений. Приводятся разные примеры — от военных, касающихся тактики армии США в Ираке, до коммерческих, касающихся предприятий космического туризма в пустыне Мохаве и отрасли биотехнологии. Например, командиры в штаб-квартире не располагали сведениями о полевых условиях, необходимыми для успеха тактики в Ираке, но командиры на местах могли адаптировать тактику к конкретным условиям.

Харфорд также рассматривает роль экспериментов в экономике, особенно в области развития. Он ратует за экспериментальный подход, который, как он утверждает, дает исследователям подробную информацию, и кроме того, внушает им смиренность, позволяющую им видеть, что приводит к неудачам и что приводит к успеху.

Важнейшим элементом во всех примерах Харфорда является использование распространенной среди широкого круга информации — «сложный мир полон знаний, которые носят местный

и неуловимый характер». Крах централизованного планирования из-за его неспособности овладеть всей соответствующей информацией в отличие от успешной работы рынков хорошо известен. Чем сложнее среда, тем сильнее необходимость в децентрализованном принятии решений.

Tim Harford

Adapt

Why Success Always Starts with Failure

Farrar, Straus and Giroux, New York, 2011, 320 pp., \$27 (cloth).

Этот урок требует постоянного повторения ввиду очевидного предпочтения (доминирующих предприятий на любом рынке и высших руководителей компаний) централизованных полномочий. Как бывшему участнику Комиссии по вопросам конкуренции Великобритании мне хотелось бы, чтобы автор четко указал, что политика в сфере конкуренции имеет такое большое значение именно из-за важности экспериментирования и небольших неудач. Экспериментирование и небольшие неудачи приводят к вариации и структурам управления, допускающим расхождения во взглядах.

Харфорд умеряет свой энтузиазм относительно неограниченной инновации, отмечая, что новшества все больше требуют значительного финансирования и организации. Компания Facebook, которая, как известно, была создана в общежитии в Гарварде с небольшим капиталом, является исключением, утверждает он. Все чаще изобретения, ведущие к новым патентам, требуют большой группы исследователей и крупного финансирования, связана ли данная инновация с новым лекарством или видеоигрой. Он отмечает, что это делает параллельную инновацию, где многие проекты обречены на неудачу, слишком дорогостоящей. Во многих обстоятельствах это справедливо, но среди примеров в книге

“Adapt” преобладают отрасли с высокой концентрацией, где «стоимость» инновации, связана ли она с регулированием или рентой, представляет собой барьер для доступа, благоприятствующий уже действующим фирмам. (В другой недавно опубликованной книге *“The Master Switch”*, написанной Тимом Бу, приводятся некоторые убедительные примеры «расточительной» параллельной инновации, когда доминирующие фирмы отталкивают локтями конкурентов.)

Книга *“Adapt”* меняет подход в последней части, чтобы рассмотреть модели сетей и цепной реакции в контексте катастроф (разрушение атомных реакторов, взрывы на буровых вышках) и банковского дела. В этой области экономисты также используют модели, применяемые в естественных науках, например, при изучении цепной реакции или динамики населения. Эти модели также интуитивно представляются уместными для объяснения некоторых экономических явлений, как это отражено в популярной терминологии «экологии бизнеса». Очевидным кандидатом для применения такого рода моделей является финансовый кризис. Директор Банка Англии по вопросам финансовой стабильности Эндрю Халдейн и эколог сэр Роберт Мэй, бывший главный ученый правительства Великобритании, совместно проанализировали системные уязвимые места финансовой системы (см. выпуск журнала *“Nature”* за 20 января 2001 года).

Последняя глава, «Адаптация и Вы», вызывает разочарование. Несомненно, ее попросил добавить издатель: домохозяйные советы такого рода якобы помогают продавать книги. Я бы предпочел главу «Адаптация и государственная политика», поскольку выводы для экономической политики рассматриваются в книге лишь в контексте экспериментов в области. Но это — не очень большой недостаток.

Возможность ознакомиться с этими новыми (для экономистов) моделями на основе увлекательных историй является настоящим даром, и у Харфорда есть в некоторой степени способность Малкольма Глэдвелла делать сложное не только понятным, но и неизбежным. Книга *“Adapt”* наверняка увлекательна.

Диана Коил,

Автор книги *“The Economics of Enough: How to Run the Economy as if the Future Matters”*

и руководитель консалтинговой компании *Enlightenment Economics*

Хозяева Вселенной

Jeff Madrick

Age of Greed

The Triumph of Finance and the Decline of America, 1970 to the Present

Alfred A. Knopf, New York, 2011, 496 pp., \$30 (cloth).

Джефф Мадрик, один из наиболее энергичных популярных авторов занятых работ по экономике, задействует свои таланты для создания ряда экономических и финансовых портретов, охватывающих прошедшие 40 лет. К числу этих деятелей относятся Уолтер Ристон, Милтон Фридман, Ричард Никсон, Алан Гринспен, Пол Волкер, Джордж Сорос и Анджело Мозило. Читатель заметит общую тему: безответственное смещение американской мысли и практики в сторону неоправданного поклонения финансовой сфере и уход от мнения, что федеральное правительство на нашей стороне. Вместе с тем, каждая глава заслуживает внимания сама по себе.

Глава о Милтоне Фридмане заинтересовала меня больше всего отчасти потому, что я — экономист и отчасти потому, что о нем не написано хорошей биографии. Положительным является то, что это очень увлекательная книга и что Джефф Мадрик написал убедительный рассказ о работе Фридмана как политического предпринимателя. Я жадно прочитал эту главу, и она соответствовала главному читательскому критерию: я захотел, чтобы она была длиннее.

Вместе с тем ряд положений вызывает у меня несогласие. Глава называется «Проповедник Милтон Фридман» и содержит много (увлекательной) информации о ранних годах Фридмана, когда он был «фанатически религиозным евреем». О Фридмане остается впечатление, что он был умным, но безответственным догматиком, упрощающим сложную картину. Отсутствует сопоставимый анализ роли Фридмана,

настаивающего на добросовестных эмпирических исследованиях, проверке и возможности фальсификации посылок экономической теории, его участия в процессе формирования им факультета Университета Чикаго, куда он привлек первоклассных ученых и будущих Нобелевских лауреатов, и множества случаев, когда он менял свою точку зрения по экономическим вопросам, в том числе по монетарной теории и денежно-кредитной политике. Фридман был в большей степени ученым и скептиком, чем следует из этого эссе.

В работе есть также особые ошибки и упущения. В материале о стремлении Фридмана ликвидировать социальные программы не упоминается, что он хотел заменить их гарантированным годовым доходом. Неправильно утверждать, что «именно нестабильность скорости денежного обращения окончательно опровергла монетаризм в 1980-е годы», когда волатильность процентных ставок была намного более серьезной проблемой, а в странах с открытой экономикой, таких как Швейцария, проблемой стал валютный курс (скорость денежного обращения меняется странным образом,

Читатель заметит общую тему: безответственное смещение американской мысли и практики в сторону неоправданного поклонения финансовой сфере.

но это происходит медленно). Мало экономистов согласится с утверждением Мадрика о том, что «Фридман и Шварц... практически не прибавили ничего к тому, что уже было известно», или что их работа «*Monetary History*» имеет незначительную эмпирическую основу. Вопреки мнению Мадрика, сейчас общепризнано, что инфляция (или, по крайней мере, текущая инфляция, как четко продемонстрировал Фридман) всегда является денежно-кредитным феноменом. Эти пробелы не являются

случайными опущениями; они способствуют систематическому принижению научной глубины и воздействия наследия Фридмана.

В книге не отражается то обстоятельство, что на протяжении большей части этого периода мир был в тисках государственнической экономической идеологии, которая практически поработила некоторые очень крупные страны, такие как СССР и Китай, и в более мягкой форме почти разрушила некоторые другие, например Великобританию, и большую часть развивающегося мира. Многих из рассмотренных фигур, особенно более раннего периода, невозможно понять вне этого более широкого контекста.

Наименее интересны эссе о наиболее известных деятелях. Можно ли действительно сказать что-то новое о Джимми Картере, Ричарде Никсоне и Алане Гринспене на нескольких страницах? Справедливо ли по отношению к любому из трио (Теду Тернеру, Сэму Уолтону и Стиву Россу) «втискивать» их всех в одну главу?

Происхождение книги является для меня загадкой. Многие главы основаны исключительно на вторичных источниках, причем хорошо известных. Почему бы не сосредоточиться на тех фигурах, у которых автор брал интервью или по которым проводил исследования в архивах? В то же самое время книга недостаточно полемична, с тем чтобы быть полезным описанием ряда отрицательных персонажей. Темы и тенденции недостаточно увязаны вместе, чтобы они были полезным материалом или введением в период, и их вполне можно было опубликовать по отдельности.

Безусловно, можно благожелательно отнестись к мнению Мадрика о том, что доминирование сферы финансов в экономике и политике было нежелательным. Но я бы предпочел, чтобы он начал с нескольких простых фактов. Когда это случилось? (Основываясь на показателях доходов, это началось в начале 1980-х годов.) Почему это случилось, и какие более общие, не связанные с личностями силы стояли за этой тенденцией? Почему политики активно поддержали финансовую отрасль, а не отнеслись к ней с опаской? Когда есть простое повествование, значение каждой выбранной личности будет понятным. В том виде, как она есть, эта живо написанная книга содержит интересные материалы, но в ней отсутствует четкое понятие о ее цели.

Тайлер Коуэн,
профессор экономики в Университете
Джорджа Мейсона